

Бланка Кастильская и Людовик IX Святой.
Париж. Музей Клюни

Далее автор описывает различные действия турок, которые тревожили крестоносцев, оставшихся на месте весьма долго, до самого конца 1249 г., поджидая прибытия брата Людовика IX, Альфонса Пуату. Наконец, Альфонс прибыл в декабре 1249 г., и тогда состоялось совещание о том, куда идти. Многие предлагали напасть на Александрию, но брат короля, граф Артоа, настаивал на необходимости овладеть Каиром говоря, что «для умерщвления змеи нужно раздавить ей голову». Мнение графа было принято, и войско, оставив королеву Маргариту с гарнизоном в Дамiette, тронулось далее вверх по рукаву Нила, постоянно сталкиваясь с мусульманами; наконец, 19 декабря крестоносцы подошли к городу Мансуру, отделявшемуся от них каналом Ашмунном; по ту сторону канала стояла мусульманская армия под начальством Сцецедуна (Факреддин), которого пожаловал в рыцари император Фридрих II. Султан Неджмеддин умер незадолго до этого времени, а на престол вступил его сын Туран-шах. Затем следует описание самой осады Мансуры: христиане строят машины, стоя на берегу, противоположном крепости, и стараются под их прикрытием навести мост через канал; мусульмане со своей стороны перевозят отряды и беспокоят христиан с тыла, употребляя все усилия, чтобы уничтожить осадные работы христиан.

Однажды вечером (это было уже в начале 1250 г.) турки подвели машину, которую они называют камнеметательницей (la regétie); она могла причинять страшное зло, и установили ее против нашей башенной машины (chaz chateilz), которую сторо-

жил в эту ночь Готье де Кюрель вместе со мной. Из своей машины они бросили на нас в изобилии греческий огонь (feu gregois), вещь самую ужасную, какую когда-либо я видел. Когда добрый витязь Готье, мой товарищ, заметил этот огонь, он закричал и сказал нам: «Мы погибли безвозвратно; если они подожгут нашу машину, то и мы сгорим; если же мы ее оставим, нам будет стыдно. Я же думаю, что нас теперь никто не может спасти, кроме Господа Бога; а потому советую всем, каждый раз, когда они пустят в нас греческим огнем, бросаться на локти и на колени и взывать к всемогущему Богу о помиловании». Лишь только турки бросили огонь в первый раз, мы легли на локти и на колени, как то нам советовал добрый человек. И упал огонь в этот раз между наших двух машин, на место, которое вырыли наши люди, чтобы отвести реку в сторону. Этот огонь был потушен немедленно человеком, которого мы имели при себе на такой случай. По наружности этот огонь был таков, что издали представлялся величиной с винную бочку и сзади имел хвост в несколько фут. Он производил такой шум, как будто бы молния падала с неба, и представлялся мне огромным драконом, летящим по воздуху; свет его был так силен, что в нашей армии делалось светло, как днем, таково было его пламя. В эту ночь они три раза бросали греческий огонь из камнеметательницы и четыре раза при помощи арбалета с башни. И всякий раз, когда наш добрый король святой Людовик видел как они бросают огонь, он кидался на землю и протягивал руки, поднимая лицо к небу. И он взывал громким голосом к нашему Господу и говорил, плача, со слезами: «Господи (beau sire), Иисусе Христе, спаси меня и людей моих!» И поверьте мне, его добрые молитвы и просьбы послужили нам в помощь. Кроме того, всякий раз, как огонь падал перед нами, он посылал к нам одного из своих камергеров (chambellans), чтобы узнать, в каком мы положении и не истребил ли нас огонь.

Далее следует описание других случаев, более удачных для сарацин и несчастных для крестоносцев: турки успели сжечь главные осадные орудия христиан.